

ЕЕ ПЕСНЯ
МОЖЕТ СПАСТИ МИР
ИЛИ ПОГУБИТЬ ЕГО

ПОСЛЕДНЯЯ СИРЕНА

ВАЛЕНТИНА РЕДА

Валентина Реда

Последняя Сирена. Последний шанс изменить судьбу моря.

<https://litres.ru/74182908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её голос способен умирить бурю. Или уничтожить целый мир. Сирены исчезли много веков назад. Их песни стали легендой, а само имя — проклятием. Но когда капитан Кай Рэйвен спасает из бушующего моря загадочную девушку, он ещё не знает, что нарушил древний закон.

Лира — последняя сирена.

За ней охотится Орден, который веками уничтожал её народ. Одни хотят использовать её дар, другие — стереть его навсегда. Чтобы выжить, Лире придётся доверить свою жизнь человеку, поклявшемуся уничтожать таких, как она.

Пока море пробуждает древние силы, а прошлое раскрывает страшные тайны, Кай и Лира оказываются перед выбором, который изменит судьбу не только их самих, но и всего мира.

Потому что самые опасные песни рождаются не в море, а в человеческом сердце.

Содержание

Глава	4
Глава	5
Глава	9
Глава	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Последняя Сирена. Последний шанс изменить судьбу моря.

Глава

Последняя сирена

Роман

Пленница капитана

Глава

Глава 1. Девушка, которая не должна петь

Таверна «Соленый штиль» пахла элем, рыбой и мокрым деревом — запахом, въевшимся в доски так глубоко, что его, наверное, чувствовали даже мертвые, если бы им вздумалось вернуться сюда с моря.

Лира разносила кружки между столами, привычно уворачиваясь от чужих локтей, и считала минуты до закрытия. Ей было двадцать четыре года, и восемнадцать из них она провела в этом городке, глядя на воду только с берега — никогда с лодки, никогда ночью. Темные волосы она заплетала в тугую косу, чтобы не мешала работе, а кожа, обычно бледная зимой, к концу лета неизменно золотилась от солнца сильнее, чем у любой другой девушки в городке, — Оррин как-то в шутку сказал, что она, должно быть, загорает даже во сне.

— Твоя мать опять запретила тебе идти к причалу? — усмехнулся старый Оррин, вытирая стойку тряпкой цвета уже неопределимого.

— Мать умерла три месяца назад, — сказала Лира ровно. — Но запрет остался.

Оррин не нашелся что ответить, и это было к лучшему. Лира не любила объяснять то, чего сама не понимала.

Сколько она себя помнила, мать повторяла одно и то же, снова и снова, как молитву или как проклятие: «Никогда не

пой. Даже если очень захочется. Особенно если очень захочется». В детстве Лира считала это причудой — у матери в глазах всегда стоял испуг, когда кто-то в таверне заводил песню, а Лира начинала подпевать одними губами, беззвучно, потому что боялась, что мать заплачет.

Теперь матери не было. А запрет остался в Лире, как рыболовный крючок, засевший слишком глубоко, чтобы его вытащить, не разорвав что-то важное.

Она закрыла таверну за полночь. Улицы были пусты, фонари на набережной раскачивались на ветру, и где-то за волноломом били о камни тяжелые декабрьские волны. Лира остановилась у самого края причала — ближе, чем позволяла себе обычно.

Море было черным и живым, и в ту ночь оно казалось ей... ждущим.

Она не собиралась петь. Это вышло само — три ноты, обрывок колыбельной, которую мать пела ей в детстве, прежде чем осеклась и запретила себе продолжать. Три ноты, тихие, как выдох.

Волны остановились.

Не одна волна. Все. На протяжении полумили береговой линии вода застыла зеркалом, будто кто-то невидимый прижал ладонь к поверхности моря и не позволил ему двигаться.

Лира замерла с открытым ртом, не веря собственным глазам. А потом волны обрушились обратно, разом, с грохотом, будто море переводило дух после долгой задержки дыхания.

Она побежала домой, не оглядываясь, и всю ночь просидела на кровати, прижав колени к груди, слушая, как где-то в стенах дома скрипит дерево — совсем как в детстве, когда мать не спала за стеной и тоже слушала море.

Утром на пороге ее ждали трое мужчин в темных плащах с эмблемой волны, пронзенной клинком. У Лиры были свои маленькие привычки, которых она сама почти не замечала. Проходя по причалу, она всегда касалась ладонью просоленных досок волнолома — не суеверия ради, а просто потому что дерево там было теплым от солнца даже в пасмурный день, и это тепло почему-то успокаивало. Она разговаривала с чайками, круживший над крышей таверны, — не всерьез, а вслух, как говорят с котом или с огнем в очаге, — и подбирала на берегу особенно красивые ракушки, которые потом выстраивались рядами на подоконнике ее комнаты, будто маленькое войско, охраняющее сон.

Каждый вечер перед сном она расчесывала волосы деревянным гребнем, оставшимся от матери, — простым, без узоров, но отполированным годами использования до блеска темного меда. Мать делала так же, вспоминала Лира, глядя на свое отражение в треснувшем зеркале: медленно, методично, будто гребень нес какое-то воспоминание глубже, чем просто расческа для волос.

По палубе таверны — и позже, по палубе любого корабля — она предпочитала ходить босиком, если позволяла погода: обувь казалась ей ненужной преградой между кожей и

деревом, будто ноги знали дорогу лучше глаз.

Иногда, разнося кружки, она ловила себя на мысли, что мурлычет что-то под нос, и тут же испуганно замолкала, оглядываясь, не заметил ли кто. Никто никогда не замечал. Возможно, в этом и была вся ирония ее жизни: величайшая тайна пряталась в самых обыденных, никому не интересных мелочах.

Глава

Глава 2. Орден

Их предводитель был высоким мужчиной с седеющими висками и глазами человека, который давно перестал удивляться собственной работе.

— Тебя видели, — сказал он без предисловий. — Вчера ночью. У причала.

— Я не понимаю, о чем вы, — соврала Лира, хотя руки у нее дрожали.

— Понимаешь. — Он не повысил голос, и от этого стало только страшнее. — Твоя мать пряталась двадцать четыре года. Хорошо пряталась. Но кровь всегда находит море, а море всегда находит кровь.

Он назвал себя братом Ордена Прилива — древнего сообщества, чьей единственной целью, как он выразился, была защита людей от того, что скрывается в глубине. Он говорил о сиренах так, как говорят о чуме: с осторожностью и отвращением.

— Сирены крадут детей, — сказал он. — Топят корабли забавы ради. Сводят с ума моряков песней, а потом смотрят, как те бросаются за борт. Твоя мать была одной из последних. Она сбежала от казни и спрятала свою природу — а заодно и твою.

— Я не сирена, — сказала Лира, хотя в глубине груди,

там, где вчера родились три ноты, уже знала: он не лжет.

— Возможно. А возможно, ты последняя из своего народа. — Он посмотрел на нее почти с сожалением. — В любом случае, ты нужна нам живой. По крайней мере, пока.

Ее не стали заковывать в цепи. Не бросили в трюм, как она ожидала, начитавшись в детстве баллад о пойманных чудовищах моря. Ее просто попросили следовать за ними — вежливо, твердо, без права отказа — в порт, где на рейде стоял корабль под черными парусами с гербом волны и клинка.

Там ее ждал он.

Она не услышала, как он подошел, — только скрип половицы палубы совсем рядом, слишком тихий для человека такого сложения. Она обернулась и увидела его: высокий, широкоплечий, он стоял у борта так, будто принадлежал этому кораблю так же естественно, как паруса принадлежат ветру, не глядя на пристань, будто ему было безразлично, кого к нему привезли.

Кай Рейвенхарт. Тридцать один год, выцветший на солнце плащ, темные, коротко стриженные волосы, серые глаза, холодные, как штормовое небо, и взгляд человека, который слишком долго смотрел в глаза умирающим существам и перестал искать в них чудовищ — или перестал искать в них что-либо, кроме работы, которую нужно закончить.

— Это она? — спросил он, не оборачиваясь.

— Последняя сирена, — ответил предводитель Ордена. — Или первая за сто лет. Зависит от того, кому верить.

Кай наконец повернулся. Его взгляд скользнул по Лире так, как хирург смотрит на рану — оценивающе, без сочувствия, но и без ненависти. Просто факт, который предстоит обработать.

— Мой отец погиб из-за такой, как ты, — сказал он тихо.
— Так что не жди от меня доброты.

— Я и не жду, — ответила Лира, и голос у нее почти не дрогнул. — Я даже не знаю, кто я такая.

Что-то в его лице дрогнуло — едва заметно, как рябь на воде от камня, брошенного слишком далеко, чтобы разглядеть всплеск. Но он тут же взял себя в руки.

— Скоро узнаешь, — сказал он. — Нам нужна твоя песня, чтобы найти Сердце Прилива. После этого твоя судьба меня не касается.

Она не спросила, что он имеет в виду. Она уже поняла — по тому, как предводитель отвел глаза, а Кай стиснул рукоять меча на поясе, — что «не касается» означало нечто гораздо более окончательное. Дориан обвел взглядом ее скромную комнату — узкую кровать, ряд ракушек на подоконнике, деревянный гребень на маленьком столике, — и что-то в его лице на мгновение дрогнуло, будто он ожидал увидеть логово чудовища, а нашел лишь комнату обычной девушки, слишком бедной, чтобы позволить себе роскошь, и слишком одинокой, чтобы ее скрасить.

— Твоя мать хорошо тебя спрятала, — сказал он, поднимая с пола один из немногих личных предметов Лир — по-

трепанную деревянную игрушку, вырезанную в форме кита, подаренную покойным отчимом на ее шестой день рождения. Он покрутил ее в руках с неожиданной, почти нежной осторожностью, а потом отложил обратно, будто устыдившись собственного любопытства.

— Она не прятала меня, — возразила Лира тихо. — Она пыталась дать мне обычную жизнь.

— Обычной жизни для сирены не существует, — ответил Дориан ровно. — Есть только та жизнь, что удастся украсть у судьбы на время, прежде чем судьба вспомнит о долге.

Глава

Глава 3. Тень матери

Той ночью, запертая в трюме до утра, Лира впервые за долгое время позволила себе вспомнить мать по-настоящему — не как призрак запрета, звучавший в голове каждый раз, когда кто-то заводил песню в таверне, а как живую женщину, которую она почти не успела узнать.

Мать звали Мари. Она появилась в городке за год до рождения Лир, ниоткуда, без роду и имени, с руками, слишком гладкими для женщины, привыкшей к тяжелой работе, и с глазами, в которых, если приглядеться на закате, проступал странный, почти лиловый отблеск — тот же, что теперь, как знала Лира, появлялся в ее собственных глазах, стоило солнцу коснуться горизонта.

Отца у Лир не было — по крайней мере, о нем никогда не говорили. Мать выходила замуж за старого рыбака Геца, доброго, немногословного человека, умершего от лихорадки, когда Лире было семь, и после его смерти так и не вышла замуж снова, хотя ухажеров в портовом городке хватало на женщину, до сих пор сохранившую красоту вопреки годам тяжелой работы.

Лира вспоминала, как мать иногда, поздно ночью, садилась у открытого окна и смотрела на море так долго и так неподвижно, что казалась статуей — а потом, заметив, что

дочь не спит и наблюдает за ней с порога, вздрагивала, будто ее застали за постыдным делом, и торопливо закрывала ставни.

— Мама, о чем ты думаешь, когда так смотришь на воду? — спросила однажды маленькая Ли́ра, лет в девять, слишком любопытная, чтобы промолчать.

— О том, что потеряла, — ответила мать, и в голосе ее прозвучала такая застарелая боль, что девочка больше никогда не решалась спросить снова.

Теперь, сидя в темном трюме корабля Ордена, Ли́ра понимала, о чем горевала мать все эти годы: о голосе, который она, судя по всему, тоже когда-то отдала или спрятала так глубоко, что почти забыла его звучание; о сестрах, погибших в Великой Охоте; о мире, в котором она была последней или почти последней хранительницей тайны, обреченной раствориться в этом секрете без единого свидетеля, готового разделить с ней ношу.

Мари никогда не рассказывала дочери правду до конца — возможно, боялась, что сама правда станет приговором; возможно, надеялась, что если промолчать достаточно долго, дар угаснет в крови сам собой, не проснувшись вовсе. Она умерла три месяца назад от той же лихорадки, что унесла ее мужа, тихо, во сне, так и не произнеся вслух ни слова о том, кем была на самом деле.

Ли́ра достала из кармана единственную вещь, которую взяла с собой, покидая дом под конвоем Ордена, — малень-

кий медальон матери, потемневшее серебро с выгравированной внутри волной, пронзенной не клинком, а стеблем морской лилии. Символ настолько тонко отличавшийся от герба Ордена, что она заметила разницу только теперь, взглядевшись при свете единственной свечи в трюме.

Это был не герб врага. Это был герб ее собственного, забытого народа — знак, который, вероятно, тысячу лет назад украшал храмы сирен прежде, чем Орден переименовал его в символ охоты, заменив живую лилию мертвым клинком.

Она сжала медальон в кулаке, чувствуя, как холодный металл нагревается в ладони, и впервые с той ночи, когда остановила волны своим голосом, заплакала — не от страха, а от запоздалого, горького понимания того, чем на самом деле пожертвовала ради нее мать: не свободой, а собственным правом быть тем, кем она родилась.

— Я не буду прятаться, как ты, мама, — прошептала она в темноту трюма, зная, что никто ее не услышит, кроме, быть может, самого моря, плескавшегося о борт корабля в нескольких футах под ней. — Чего бы это ни стоило. Она вспомнила еще одну вещь — мелкую, почти забытую деталь, всплывшую сейчас из глубины памяти с неожиданной ясностью: мать никогда не позволяла себе смеяться в полный голос. Даже в редкие счастливые вечера, когда Гец рассказывал за ужином нелепые байки о рыбацкой удаче, мать лишь тихо улыбалась, прикрывая рот ладонью, будто боялась, что смех, вырвавшись на свободу, обернется чем-то большим и

предательским.

Теперь, сидя в трюме, Лира поняла: мать боялась не смеха самого по себе. Она боялась той грани, за которой беззаботность могла обернуться забвением, а забвение — случайной песней, слетевшей с губ прежде, чем разум успеет ее остановить. Каждый смешок, сдержанный на середине, был еще одной маленькой жертвой, о которой Лира прежде даже не подозревала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.